

Из портфеля «Альманаха библиофила»

«СНОВА ДОСТОЕВСКИЙ»

В. С. Нечаева

К портрету

Андрея Фёдоровича Достоевского—
внука писателя

Из писем А. Ф. Достоевского
к В. С. Нечаевой

Алексей Корнеев

Оправданный Александр Орлов

Никита Заболоцкий

Н. А. Заболоцкий и книга

Садовник

(Письма Н. А. Заболоцкого
к В. А. Десницкому)

«Снова Достоевский» Публикация и предисловие Д. Благого (Нечаева)

В. С. Нечаева

К портрету

Андрея Федоровича Достоевского —

внука писателя

Рукопись, посвященная А. Ф. Достоевскому, — последнее, что принадлежит перу В. С. Нечаевой, автору четырехтомной монографии о Белинском, ряда книг о Достоевском, многих работ о Пушкине, Лермонтове, Вяземском, Горьком, а также большого числа текстологических трудов. Очерк предназначался автором для последней главы воспоминаний под названием «Снова Достоевский».

Хотя знакомство моей матери с Андреем Федоровичем состоялось в начале 30-х годов, однако, в отличие от ранее описанных встреч она рассказала о внучке писателя в конце книги: именно в послевоенном период все больше укреплялась ее дружеская связь с Андреем Федоровичем, именно в это время особенно широко развернулась его собственная деятельность, связанная с увековечиванием памяти великого леда. Очерк об А. Ф. Достоевском остался на ее столе в черновом варианте, и помимо небольшой правки я позволил себе в нем некоторые композиционные изменения.

Что касается писем А. Ф. Достоевского, то в архиве моей матери хранится огромное их число. Как правило — они весьма обширны и охватывают период времени от начала деятельности московского Музея писателя (1928) до открытия музея Достоевского в Ленинграде (1971) — созданию его Андрей Федорович отдал особенно много сил и энергии. Ко времени работы над очерком письма, относящиеся к последним двум годам жизни А. Ф. Достоевского, считались утерянными, почему ссылок на них не имеется — 25 писем 1967—1968 годов были обнаружены многою лишь после кончины матери. В публикуемых отрывках из писем вошла лишь малая часть обширнейшего эпистолярного наследия. Но, думается, эти фрагменты содержат интересные сведения и отражают многие черты характера внука великого писателя, о котором так отзывалась В. Лидин в помещенном после смерти А. Ф. Достоевского некрологе (литературная газета, 1968, 25 сент.): «Андрею Федоровичу выпала трудная судьба, но он никогда не искал покоя, и приходилось приложить к отдыху этого неутомимого, достойного доброй памяти о себе человека, с величайшей скромностью носящего имя своего прославленного леда». При чтении писем А. Ф. Достоевского приходят на память слова Лидина о том, что «Андрей Федорович и сам был литератором, и не в одном из его рассказов можно было ощущить сложную матущуюся душу этого несомненно унаследовавшего литературный дар «человека». Добавлю, что таким же матущимся, одержимым каждой новой идеей своей, фанатически ей преданным, но внешне сдержанным, часто суровым, запомнил Андрея Федоровича и я с детских лет.

Задумав в 20-х годах открытие в Москве мемориального Музея Ф. М. Достоевского и стремясь к осуществлению этой идеи, я познакомилась с рядом потомков писателя, в том числе его племянницей Екатериной Михайловной и племянником Андреем Андреевичем. Общение с ними было чрезвычайно интересным и полезным для меня, они стали помогать открывшемуся в 1928 году Музею. Тогда же я много слышала о внучке Достоевского Андрее Федоровиче; но, будучи в то время еще юным студентом, он, конечно, ничем не мог мне помочь в музейных делах. Познакомилась я с ним лишь в начале 30-х годов; позднее же у нас возникла прочная дружеская связь, которая продолжалась до конца его жизни и поддерживалась моими частыми поездками в Ленинград, где он жил, а также постоянной перепиской: у меня сохранилось свыше 150 его писем.

Коротко расскажу о его ранних годах. Его отец Федор Федорович в 1903 году женился на Екатерине Петровне Цугаловой (1875—1958), но в 1916 году оставил жену и двух сыновей, которых она воспитывала затем одна, — в ранние годы при постоянном участии вдовы писателя Анны Григорьевны Достоевской. Не обнаружив в детях Федоре и Любови никакого интереса к своей горячей и непрестанной работе по сбору материалов о жизни и творчестве мужа, Анна Григорьевна возложила надежды на подрастающих внуков, которым частично завещала рукописи Федора Михайловича. Андрей Федорович, знавший бабушку в раннем детстве, пронес через всю жизнь особое уважение и любовь к ней.

В 1917 году Е. П. Достоевская с сыновьями (Федор, рождения 1905 года; Андрей, рождения 1908 года) и Анна Григорьевна выехали из Петрограда на Северный Кавказ, после чего вскоре выехали с мальчиками оказались в Крыму, в Симферополе, где и поселились. Анна Григорьевна жила в Хосте на принадлежавшем ей там участке земли, затем одна отправилась в Крым, в Ялту, и поместилась в скромной гостинице, где в июне 1918 года умерла после тяжелой болезни. Ее дочь, Любовь Федоровна, давно эмигрировала, сын Федор Федорович, хотя и был извещен о тяжелом положении матери, в связи с военными действиями не мог попасть в Ялту. Вероятно, не было возможности присесть туда и у Е. П. Достоевской из Симферополя, где она преподавала в школе иностранные языки. Со старшим, Федором, о котором сохранились отзывы как об исключительно красивом, талантливом и тонко чувствующем юноше, Е. П. Достоевская проходила весь гимназический курс сама, что объяснялось исключительной любовью, связывавшей ее с первенцем. Федор прекрасно рисовал, был музыкант, писал стихи, владел иностранными языками. В 1921 году, шестнадцати лет, он скончался от тифа и менинита.

Иной была судьба его младшего брата. В 1927 году он окончил школу. Занимался спортом, любил механику, хотя также увлекался литературой, писал рассказы, очерки, рисовал карикатуры. Мать так описала его в 1928 году: «Очень живой, пылкий, впечатлительный, порывистый, нетерпеливый и неусидчивый, безудержанно вспыльчивый, но отходчивый, и, в общем, очень добрый. Самостоятельный и самолюбивый... Веселый и общительный... всякий спорт ему удается легко».

Осенью 1928 года Андрей Федорович поступил по конкурсу в Донской политехнический институт, но весной 1929 года заболел и год лечился в Симферополе. Поправившись, летом 1930 года уехал в Ленинград, где поступил в Ленинградский политехнический институт, который закончил в декабре 1935 года. Он поселился у Андрея Андреевича Достоевского — сына брата писателя — и, конечно, воспринял от двоюродного дяди (только что издавшего «Воспоминания» своего отца) его интерес к жизни и творчеству деда.

Мое знакомство с ним и его матерью Екатериной Петровной в тридцатых годах не было длительным. Мать с сестрой Ниной Петровной Цугаловской продолжали жить в Симферополе, Андрей Федорович — после смерти Андрея Андреевича — остался в его ленинградской квартире. Проездом к сыну Екатерина Пет-

ровна посещала меня в Москве, писала письма, хлопотала о повышении пенсии, как жене сына Федора Михайловича. Достоевских, кроме Анны Григорьевны, она почти не знала. Также она мало интересовалась судьбой рукописей Анны Григорьевны, которые были взяты вдовой писателя при отъезде на юг в 1917 году и которые в конце концов исчезли. Документы, хранившиеся у Андрея Андреевича, перешли к его племяннице М. В. Салас-Богдановой, так что Андрей Федорович, проживая у родственника, не владел никакими новыми материалами о писателе. Но, унаследовав горячий интерес к изучению жизни и творчества деда, 20 февраля 1934 года он писал мне: «Мне хотелось бы с Музей и с Вами иметь постоянную связь и в случае возможности принять участие в тех или иных делах Музея и сделать для него что-либо полезное». И далее: «Мой визит в Москву на этот раз, видимо, положил начало моему искреннему отношению к Музею и его работникам. Прощу вполне верить в искренность сказанных слов. Так вот, поэтому, Вера Степановна, несмотря на мой отрыв от культуры, прошу считать меня способным, конечно, выполнять в Ленинграде поручения Музея, то есть быть его представителем, всегда готовым к действию». В том же году он присдал в Музей несколько семейных фотографий и по нашей просьбе заказал в Ленинграде и выслал мне в Москву ряд фотоснимков.

В 1935 году Андрея Федоровича ждал напряженнейший труд в связи с окончанием института. Он надеялся, уже закончив теоретический курс, преддипломную практику провести на заводе в Москве; однако это ему не удалось: он был направлен в Горький, где закончил проект и защитил диплом. Он писал мне, что диплом ему достался несложно, так как он взял сложную, неразработанную тему, очень напряженно работал и почти не спал. Последующие многочисленные письма позволяют предполагать, что этот вузовский проект положил начало его будущей конструкторской работе.

Окончив институт и поступив работать инженером-конструктором, Андрей Федорович в 1936 году женился, а осенью 1937 года у него родилась дочь. Однако и его совместная с семьей жизнь, и первая инженерная служба длились недолго. В конце 1938 года он по договору с Проектным институтом Наркомлеса на два года уехал на Дальний Восток в Хабаровск. Большую роль играла при этом выбранная им специальность, очевидно, тесно связанная с его дипломной работой, а также

финансовая сторона командировки, так как он мог больше послать денег семье и матери.

10 сентября 1939 года в письме ко мне Андрей Федорович подробно описал свою жизнь в Хабаровске. Он был поставлен «вести и руководить отделом механизации и энергетики», выезжал в тайгу, но считал, что работа не удовлетворяет его, не наложена связь с Проектным институтом, и что-либо сделал в тот короткий срок, на который прискаль, он едва ли сможет. В этом письме есть два сообщения, очень характерные для Андрея Федоровича. Одно из них связано со свойственными ему организационными идеями, планами. Помимо своей служебной работы, он — очевидно, с местными работниками-специалистами — взялся за организацию на Дальнем Востоке научно-исследовательского института». «Была нами проделана большая работа, результаты ее переданы Правительству. Правительство рассмотрело, одобрило и дало согласие. Экономический совет при СНК СССР санкционировал, нарком утвердил, и уже на руках у нас имеется проект приказа. Сейчас проводим необходимые предварительные оргмероприятия, подготовку к открытию института с IV квартала с. г. Это очень большая победа...» Предполагая, что институт будет открыт, Андрей Федорович готов был остаться в Хабаровске на более длительное время.

Обращает внимание и сообщение о его службе в армии — с июля по сентябрь 1939 года. Он, несомненно, сознавал, как важно было для тех лет обращение к военной науке. Он писал: «Кроме того, эта обстановка добавила мне ряд плосовых навыков. В армию отправился по собственной инициативе, исходя из соображений международной обстановки и тех, что уже пять лет я почти полностью оторван от военной техники, которую знать обязан».

Мне не удалось поговорить с Андреем Федоровичем о судьбе планировавшегося научно-исследовательского института леса на Дальнем Востоке, так как цитированное выше письмо было последним перед Великой Отечественной войной. 30 июня 1941 года я получила от него из Ленинграда письмо, полное забот об эвакуации четырехлетней дочери Татьи с Академией наук, и с сообщением, что он «на днях уходит в армию». Много позднее (11 декабря 1955 года), в связи с моими хлопотами в Москве о назначении ему персональной пенсии, он мне писал: «С 7 июля 41 г. до марта 46 года в рядах Советской Армии — Ленинградский, Волховский, вновь Ленинградский, 3-й Украин-

ский, 3-й Прибалтийский и, наконец, Забайкальский фронты». Оказалвшись по службе в Ленинграде 20 октября 1944 года, он писал, что перегружен работой, что надеется через месяц уехать на фронт и к зиме быть «в районах Ост-Пруссии», и затем продолжал:

«Но, по-моему, это не значит, что я не начну путешествие куда-нибудь в Хабаровск и даже далее. Где вы видите конец — на Западе или Востоке?» Имеется у меня и его записка, относящаяся, вероятно, к тому же 1944 году: «3-й Прибалтийский фронт, 24-я бронетанковая рэмбаза (дислокирована в Ленинграде, Обводной канал, 14). Старший техник-лейтенант Достоевский Андрей Федорович».

Позже, в письме от 27 декабря 1947 года, он мне сообщил, что в марте 1945 года попал в Прибалтику в Курземе, в середине же 1945 года был переброшен на Восток и через МНР «сначала с боями... доехал до Мукденя. Из Маньчжурии вышел в ноябре.

Об одном из эпизодов военной жизни Андрея Федоровича рассказал А. Борин в «Литературной газете»: в ней упоминается об участии Достоевского как командира автозвезда в боях под Ленинградом в 1941 году. Хотя его ранило в ногу так, что ему потом приходилось ходить с костью, он все же не ушел в санбат, а когда был туда отправлен полковником, то скоро «сбежал» и вернулся в часть. Войну Андрей Федорович окончил инженер-майором танковых войск.

В позднейших письмах ко мне Андрей Федорович не раз сообщал, что пишет краткие военные очерки-вспоминания. Он с особой горечью вспоминал бой под Дубровкой: «В деревне должен заняться (быстроенько) лётописью о нашем Отдельном отряде Ленфронта (сентябрь — октябрь 1941 г.), от которого остался всего 21 человек (к ноябрю 41 г.), а теперь отысканы живыми лишь двое...» Считая, что они незаслуженно забыты, он писал:

«Тщуйся еще кое-что для них сделать».

Война была для Андрея Федоровича причиной тяжелых личных нравственных переживаний и ряда физических болезней, которыми он страдал в 50—60-х годах.

С 1947 года он вынужден был перейти — в связи с язвой желудка — на более регулируемую по нагрузке преподавательскую работу в Ленинградский радиотехнический техникум, где преподавал общетехнические дисциплины. Но состояние его здоровья все время осложнялось, а в октябре 1954 года вслед-

ствие нарушения мозгового кровообращения у него отнялась левая половина тела. К счастью, ему удалось оправиться от тяжелых последствий, работоспособность вернулась, и с марта 1955 года он продолжил свою педагогическую деятельность. Много было начато ходатайство персональной пенсии для него, которая при энергичном участии Союза писателей была ему назначена. Благодаря меня за эту инициативу (11 декабря 1955 г.), он, между прочим, писал: «Самостоятельно я бы на это не решился, во-первых, потому, что мне всего 48 лет, а во-вторых, потому, что никаких заслуг перед именем Федора Михайловича не имею совершенно...»

Но Андрей Федорович все более углублялся в изучение творчества великого писателя. Он овладевал достоверением, как советским, так и зарубежным, общался с А. С. Долининым, переписывался с Л. Г. Гроссманом. Меня засыпал вопросами о новых работах по Достоевскому и просил посоветовать, в какой области, связанной с исследованием творчества деда, он мог бы оказатьься полезен.

Последние пятнадцать лет жизни он изучал «Петербург Достоевского», разыскивал дома, связанные с жизнью писателя или упоминавшиеся в его произведениях, помогал киноработникам, следил за театральными инсценировками произведений писателя, часто в письмах ко мне характеризовал их, всегда был в курсе — где что готовится или должно появиться на сцене. У него завязалась переписка с зарубежными достоверами, которые присыпали ему свои книги, а, посещая СССР, пользовались его помощью в осмотре «Петербурга Достоевского».

В 1956 году Андрей Федорович был приглашен в Дом Союзов на торжественное заседание, посвященное 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Вскоре после этого его ждало серьезное испытание: в связи с резким обострением язвы желудка он попал в хирургическую клинику Военно-медицинской академии; едва оправившись, он снова леж в клинику. И все же, уже в июле 1958 года, сообщая мне о смерти матери и ее сестры, он писал мне и о своей работе для журнала «Франция — СССР», и о театральных постановках в Ленинграде в 1956—1958 годах — по произведениям Достоевского (в частности, он был в восторге от игры Смоктуновского).

После операции Андрей Федорович все более углубляется в «достоевские» темы. В конце 1958 года его захватывает идея организации Музея Достоевского в Ленинграде.

Казалось, подобная цель могла исчерпать запас энергии Андрея Федоровича; но именно в это время он возвращается к любимой конструкторской работе и осуществляет те проекты, над которыми трудился «23 года назад» (письмо 27 марта 1959 г.). Он усиленно работает в 60-х годах над проектом машины, которая бы раздробляла мелкие сучья деревьев при лесозаготовках, и 27 апреля 1960 года пишет: «...проект моей машины полностью закончен, и, вероятно, Совнархоз приступит к ее изготовлению только во второй половине года». 5 августа 1961 года он сообщает: «Сейчас я целыми днями занят на заводе, на выпуске, моя конструкция идет в спешке и трудно», но через полтора месяца, 28 сентября, делится радостью: «В понедельник 25 сентября моя машина блестяще прошла государственные испытания и сдачу — это был шквал, самум, тайфун! Ни в чем не было заминки, и припасенную для испытания охапку древесины она сожрала, разжевала и выплюнула за 3,5 минуты. Комиссия стояла с открытым ртом, даже сам автор изумлялся». В декабре 1961 года машина уже работала на Новгородчине. В письме от 16 декабря 1961 года он пишет: «В будущем году Вы ее сможете посмотреть на Выставке достижений народного хозяйства». В 1962 году он сообщил, что Министерству сельского хозяйства очень нужна его дробилка для рубки кукурузы в початках и что ему предстоит «впереди чудовищная и спешная работа». Об изобретении Андрея Федоровича появились специальные статьи, но о дальнейшей судьбе машины мне ничего не известно.

В апреле 1960 года Андрей Федорович получил однокомнатную квартиру, он чувствовал, по собственным словам, «блаженство неописуемое». Переполненный планами создания у себя домашней экспозиции, 15 декабря 1960 года он пишет: «Я самосильно уже приступил к организации у себя дома памятной экспозиции по Федору Михайловичу и Анне Григорьевне Достоевским. К своему мэроприятию отношусь крайне серьезно и готов всем поступиться для его реализации... Официальное открытие может иметь место в самых первых числах ноября 1961 г.». Все свои средства он тратит на рамки, оформляет стенд, приводит в порядок большую библиотеку, готовит магнитофонные записи.

Постоянная работа по созданию «домашнего музея», очевидно, навела Андрея Федоровича на мысль об издании «Альбома» Достоевского по типу уже вышедших ранее альбомов с портретами, иллюстрациями к произведениям и документами других

писателей (Пушкин, Чехов и др.). Он обратился в издательство «Прогрессение» и 26 декабря 1962 года сообщил мне, что у него наложивается переписка с издательством по вопросу об издании «Альбома», а 14 января 1963 года просил о непременном моем участии в этом деле.

Я понимала, что на меня лежит главная задача: выработать тип издания, тактично соединить научность в обработке материалов с просветительским назначением издания. Постепенно идея «Альбома» меня увлекла, я много работала над планом книги, отбором и расположением материалов, характеризующих эпоху, биографию, творчество Достоевского и судьбу его наследия, и в конце концов согласилась на общую редакцию издания.

Мне очень хотелось привлечь к составлению «Альбома» Андрея Федоровича, но, учитывая его полную неопытность в подобном деле, я подготовила несколько десятков карточек по первому разделу (детство, ученье) и вместе с планом послала ему. Он принял горячо за работу, вскоре писал мне: альбом стал «пунктиком, с которым связано сейчас мое существование... я уже „физически“ ощущаю, вижу его» (письмо от 6 марта 1963 года).

Андрей Федорович стремился внести в «Альбом» как можно больше сведений о родственниках. Он составил «Карту Пинского района БССР», где находится село Достоево — родина предков писателя, разыскал в архивах «Планы участка и дома», где помещался пансион Чертакова, в котором учился писатель, и составил «Карту Зарайского района», где были деревни Даровские и Черемошня. Ему хотелось также взять на себя раздел о кончине Достоевского, принять участие в составлении хронологии, подборе иллюстраций. Но особенно значительны были усилия Андрея Федоровича по разработке темы «Достоевский на Западе». 30 октября 1964 года он уведомил, что написал до 70 писем на пять языках и у него сейчас около 180 сообщений для пополнения этого раздела.

В конце 1964 года отдельные части «Альбома» начали поступать ко мне для редактирования. Он должен был включать свыше 700 иллюстраций и несколько тысяч выдержек из произведений, писем, мемуаров. Предстояла сложнейшая работа — смонтировать чрезвычайно пестрый материал, художественно расположить, оформить для качественного воспроизведения в печати. По этим и многим иным причинам издание книги очень затянулось.

С конца 1965 года Андрей Федорович принесся за осуществление давно задуманного плана, к которому его как бы готовила работа над своей домашней экспозицией по Достоевскому и «Альбомом». О проекте создания в Ленинграде Музея Ф. М. Достоевского он бегло писал мне в декабре 1958 года, но позднее упоминал, что эту идею лелеял еще с 1921 года. Перед Андреем Федоровичем встали два вопроса: первый — о самой организации Музея Достоевского в Ленинграде, и второй — о сохранении квартир, где жил и умер писатель (в Кузнецном переулке), и предоставлении не только ее, но и соседнего помещения под будущий Музей. Уже в конце 1965 года онставил оба вопроса в ленинградском обкоме, обращается в Министерство культуры РСФСР, привлекает Союз писателей, Пушкинский Дом, просит поддержки в Москве.

Андрей Федорович представлял себе Музей как центр мемориального городского комплекса, который должен включать ряд объектов, связанных так или иначе с жизнью и творчеством Достоевского. Для Октябрьского района Ленинграда он готовит «паспорт» на 72 объекта, «обоснованные» или архивными разысканиями, или указаниями на рукописи и сочинения писателя. Мысли о создании мемориального комплекса Достоевского в Ленинграде заставляют его контактировать с рядом мест, где писатель провел какую-то часть своей жизни. У Андрея Федоровича завязывается переписка с Омском, Кузнецком, Семипалатинском...

Приближалось 50-летие Октябрьской революции. Андрей Федорович мечтал открыть Музей к этой дате. Он писал 5 ноября 1966 года: «Хоть Федор Михайлович и общечеловечен международен, но он прежде всего национален».

Он так и не успел увидеть выпущенный «Альбом», не суждено было ему дожить и до открытия Музея Достоевского в Ленинграде. Однако незадолго до кончины Андрей Федорович осуществил то, что не удалось сделать мне в начале 30-х годов: прах Анны Григорьевны Достоевской был перевезен и захоронен, согласно ее завещанию, рядом с Ф. М. Достоевским. В Москве собралась группа друзей, литературоведов и почитателей Достоевского, и состоялась кремация. Андрей Федорович немедленно уехал в Ленинград, где получил разрешение соорудить с правой стороны могилы писателя цементированное помещение для урны с прахом Анны Григорьевны. Летом он приехал за урной в Москву, отвез ее в Ленинград, где и состоялось погребение. Я была на

кремации Анны Григорьевны Достоевской, на погребении же быть не смогла...

Но через год рядом с урной А. Г. Достоевской была опущена урна с прахом самого Андрея Федоровича, также кремированного в Москве и погребенного около леда и бабки в Александровской Невской Лавре.

Из писем А. Ф. Достоевского к В. С. Нечаевой

19 июня 1957 г.

Давно мечтаю я попытаться принести пользу первом, пусть даже в области, косвенно или прямо касающейся Федора Михайловича, если я осмелюсь. Но, конечно, Вы понимаете, нужна направляющая рука и некоторая выучка, а с моей стороны большой труд, иначе не достигну... Если эскулапы не зарекут, то рассчитываю вернуться к труду с начала февраля. Как только обрету способность к движению и силы, то начну, как смогу, «хозяйничать» в Ленинграде по приведению в порядок документов.

Убедился, что в Пушкинском Доме огромный материал по Федору Михайловичу, Анне Григорьевне и семье. Причем, если все пересмотрено, то не все разработано. Отношение ко мне в Пушкинском Доме очень хорошее, и я надеюсь иметь доступ к материалам, когда это потребуется. Планов на будущее очень много...

22 октября 1957 г.

Сегодня первый день второго месяца, что я оперирован. Уже выхожу на улицу посидеть у ворот на скамейке, «подышать воздухом». Правда, силенок еще микроскопическое количество, но все же они уже есть!..

Был агакован корреспондентом «Информбюро» (куда-то прошли за рубеж слухи, что Достоевский якобы гибнет, оставлен на произвол и всякая прочая гадость — пришлося напряженно, с вызовом некоторых лиц, поработать).

18 декабря 1958 г.

После того, как я вернулся в Ленинград, я убедился, что перестал принадлежать себе и непрерывно оказывается полезным Родине в чем-то разумном и необходимом.

Летом этого года я написал писателям о том, что пора двигать вопрос с Музеем-квартикой Ф. М. Достоевского в Ленинграде. Все везу на себе — бегаю по РЖУ, обращаюсь в архивы, собираю нужные данные и т. п. Вчера закончились съемки киноочерка, о котором наша «Вечерка» писала: «Сегодня оператор ленинградской студии кинохроники В. И. Страдин заканчивает съемку киноочерка „Внук Достоевского“». Съемки шли у меня дома, в Пушкинском Доме и за городом. Съемке подверглась во всяких видах даже моя писна Женя. Вчера, в последний день съемки, налегали корреспонденты радио и прессы. «Вечерка» дала на первой странице довольно обширную заметку «Внук Достоевского». Киноматериал весь без проповедования вчера жеспешно ушел в Москву, на московскую студию кинохроники, в которой работают Самуил Давыдович Бубрик и Николай Иванович Васильев, которых Вы знаете по кинофильму 1956 года. Нельзя ли Вам, как меня хорошо знающей, проверить, как и что там насыято, и в случае чего посоветовать им.

Несколько работников прессы, кинематографии и научных учреждений пишут письмо в какие-то инстанции, предлагая улучшить мои жилусловия, причем так, чтобы я мог организовать отдельную комнату-экспозицию о Федоре Михайловиче, проводить в ней личные беседы, главным образом с именитыми иностранцами, которые обычно ищут мемориальные следы писателя в Петербурге-Ленинграде. Я обдумывал старательно и честно предлагаемую ситуацию и вывел, что справлюсь с задачей, даже если музеи не помогут. Тут у меня возникла мысль просить Вас дать свою подпись. Документ Вам представят быстро, было бы Ваше согласие. Очень жду в этом Вашего решения.

Увлекся я писать киносценарий об удивительной и героической жизни одной из примечательных русских женщин, о жизни, полной подвига, преданности и глубоко идейной. На первом плане «девушка шестидесятых годов» и весь ее жизненный путь, человек великого труда, заслуживший всеобщее уважение и неизбежавший завистливых нападок. В сценарии показана чиновничье-полицейская среда, ростовщическая кабала, безразличие «верхов». Все это в ярких красках личной жизни, самоовержен-

ной борьбы с окружающей средой, непрерывного служения высшей идее. Много лиризма, трагизма и напряжения. Сейчас накапливаю материал из описаний, высказываний, из дневников и прочих архивных материалов. Если говорить о поучительной фабуле, то короткими словами это будет — подвиг одной женщины. Вы, конечно, понимаете, что на первом плане только Анна Григорьевна, Федор Михайлович лишь в фоне. Федора Михайловича нельзя давать в сильных красках — фильм-то не о нем.

Много работаю, и нет даже времени на собственные дела и занятия.

28 сентября 1959 г.

Весь этот год, Вера Степановна, я провел крайне напряженно и по силам расточительно. Началось с того, что в конце зимы я предложил Ленсовнархозу создать одну машину, по конструкции совершенно новую, — ее нет нигде в мире. Этим я хотел положить и свой кирпич в фундамент семилетки. При моих силах все должно было развиваться спокойно, ненапряженно.

Создалась ситуация: либо вовсе бросить на чужие руки объект, либо как конструктору-автору принять весь груз на свои одинокие плечи, но зато в чистоте субъекта свою идею, свои решения. Выбрал последнее. Трудился тяжелей раба. В мае — июне *«стерефильм в жизни»* сильно сдало сердце. Но удачно дотянуло. Хорошо — дважды премировали.

Сейчас очень много и напряженно работаю, связан главным образом с заводами, так как совнархоз хочет успеть выставить машины к июню 1960 г. на ВДНХ.

Недавно ездил на бывший Семёновский плац. Там его застраивают, через него будет идти к обводному каналу продольное улицы Гороховой (Дзержинского). Походил, поглядел и хочу дать статью с иллюстрациями (например, в «Новое время» на английском и на французском языках) о прошлом и сегодняшнем положении Семёновского плаца, все, разумеется, в связи с тем, что это было место «казни» Федора Михайловича. Будут достаточно энергично собирать материал. Поможет указаниями Пушкинский Дом (Фонякова), и Музей истории Петербурга-Ленинграда, возможно, позволит сделать фото со старых гравюр. Если Вы найдете нужным меня направить, как составить канву статьи, на что обратить внимание, о ком упомянуть — буду очень благодарен.

Написал несколько малых рассказов, возможно, вскоре пришлю на Ваше суждение, если разрешите.

26 декабря 1961 г.

Всем Вам еще раз от всего сердца плем новогодние лучшие пожелания и поздравления. Постучите рюмкой по столу новогоднему, мы то же сделаем, возвратясь из театра (балет «Каменный цветок»)...

Большое спасибо, Вера Степановна, я от Вас 100 руб. получил и уже начал тратить, например: 20 руб. за неотложную «столярку» (4 стенда под стеклом — два стоячие, два укладываемые на письменный стол), но без стекол (их надо нарезать), защитные решетки к багаре центрального отопления — 7 руб., две пары домашних туфель — 5 руб. 20 коп. (обувь снимают, как в мечети, все). Послезавтра буду нарезать стекла, и пойдет «вторая столярка». Машиника моя на Новгородчине — работает. Еще раз спасибо! Всего самого доброго. Скоро буду писать об экспозиции.

23 февраля 1962 г.

С месяц назад редакция «Недели» захотела иметь статью об Анне Григорьевне. Очень тщательно и быстро работали с Беловым (С. В. Белов — исследователь творчества Ф. М. Достоевского — Д. Б.) — сдали, и теперь дальнейшее решается в Москве... Писал в Музей, прося проследить, и если напечатают, то раздобыть для нас несколько экземпляров «Недели» (у нас очень трудно). Название статьи «Солнце моей жизни» («Жизнь, озаренная солнцем»). Более чем на страницу и еще три фотографии. Ждем. Очень хотелось, чтобы наконец начало звучать слово об Анне Григорьевне.

В нашем небольшом театре имени Комиссаржевской пошло «Преступление и наказание», режиссер-постановщик Ольшвангер (тот же, что дал «Униженных и оскорбленных» в театре имени Ленинского комсомола). Этот театр «обскакал» драматический театр имени Пушкина, где давно готовили «Преступление и наказание», но, видимо, медлили. У Ольшвангера это все очень неровно — удачи: Свиридгайлов, Порфирий, Лужин, процентчица, Сонечка (впервые артистка Аллаева, отысканная в самодеятельности). Раскольников почти «не то», но артист Окулевич — хороший, и очень много работает — может, и «образуется» у него Родион Романович. Остальное — посрдечно — посрдечно, есть даминоты,

есть ненужное, есть грубые купюры, есть два раза «компот». Декорации очень трудные для артистов и, по мне, совсем невыразительные. Я ходил на «прогоны», на спектакль же еще не отважился пойти. Сонечка — отрадна и почти такая, как надо, только против нее то, что высоковата... Постепенно идет подготавка документации к «Петербургу Достоевского» для нашей студии научно-популярных фильмов (включено в план, правда, с тем, чтобы подготовить фильм года через три). На каждое «достоевское» место составляем карточку, и это приведет, кажется, к тому, что подготавливаем (для «Интуриста») альбомы «Места Достоевского» — вероятно, по отдельным этапам жизни и произведениям. Было бы больше сил — быстрее бы и живее оформлялась работа!

Вчера во время спектакля «Никто» (силами наших артистов) беседовал с автором — Эдуардо де Филиппо. «Никто» целиком «психологизм» по Достоевскому. Я подарил де Филиппо фото с рундальцевской гравюры — он не знал этого изображения Федора Михайловича; я получил от него какой-то (на программке) любезный автограф, который (по-итальянски) прочесть не могу, тем более почерк!.. По-французски он говорит очень плохо, что удивительно! Когда он был первый раз в Москве на кинофестивале, он прилетел на «ТУ» в Ленинград, на такси проехал в Некрополь, возложил цветы на могилу Федора Михайловича и тем же путем немедленно отбыл обратно. Ему я с особым удовольствием дал фото (неизвестного на Западе) изображения Федора Михайловича.

Да! Драмтеатр имени Горького (Гов斯顿гов) взялся за «Братцев Карамазовых» — не будет ли такой же тришкин каftан, как у Вас «Дмитрий Карапазов»? «Идиот» (там же) продолжает хорошо идти (без Смоктуновского, на молодом Озере). Как видите, у нас Достоевский достаточно крепко стоит на сцене!

3 сентября 1962 г.

Я, как положено, здорово закрутился с «достоевскими» делами. Что удастся — сообщу подробно; планов много: начиная от могилы Анны Григорьевны и кончая тем, что в Ялте связано с именем Достоевского — въездом, улицей и переулком; уже одного добился — благоустройства улицы Достоевского (400 метров асфальта, 220 метров лестниц с бульваром, всякие сантехкоммуникации и пр.— все работы около 500 тыс. старых руб.)! Здесь есть

литературный филиал краеведческого музея — в нем об Анне Григорьевне слыхом не слыхано.

13 ноября 1962 г.

По ходу дела пришло мне «изучить» около двухсот своих писем с фронта — многое воскресло передо мной. Как все забывается! Вероятно, дневники, письма в иные моменты жизни совершенно необходимы. Например, сейчас воскрешаю (полупутно) жизнь и деятельность моего двоюродного брата (по матери) — одного из немногих авиаконструкторов начала века, летчика, погибшего в войну (1914—1918), — ни следочка, ни словечка, а это безусловно приметная фигура на горизонте зарождения воздушоплавания! Однако уже достиг немалых результатов — возможно, года через два будет том документов и фото. Как бы помогли письма и пр.!

14 января 1963 г.

Итак, многоуважаемая Вера Степановна, можно считать, — началось! Все же Учпедгиз — молодцы и умники! Я счастлив *безмерно* тем, что «Альбом» пошел... Смонтировал «досье» — история рождения «Альбома». Спасибо Вам, что взялись за дело! Разумеется, включив меня в «авторы», Вы имеете в виду, сколь это хлопотно для Вас (лично для Вас) будет, но, даю слово, что стараться буду изо всех моих силенок и возможностей. Значит, за мной:

- а) биографический очерк;
 - б) основная канва хронологии;
 - в) оперсвязь «Ленинград — Москва».
- В осталном указывайте — чем еще могу быть полезен? Понтересуйтесь у Зильберштейна: Белов откопал (с моей помощью) в Новгороде дело «о секретном надзоре» за Федором Михайловичем и уже дал ему ход — в частности, послал Зильберштейну — очень интересно!.. Очень надеюсь, к февралю быть в Старой Руссе (и в Новгороде) — покопаюсь еще, так как извлечено не все! В 20-х числах января Белов (Сергей Владимирович) будет на неделю в Москве — *обязательно привезти его к Вам...* Будет звонить. У него удивительное свойство — откладывать, где другие не находят!

8 февраля 1963 г.

К порученной работе приступил обстоятельно (настравившись, посещая места, связанные с биографией, связался с Музеем истории Ленинграда, где проглядывала некоторые материалы). Пока все идет, видимо, нормально, но очень медленно. Уже имею принципиально важные вопросы, которые подытожу в специальной записке.

Очень прошу Диму (речь идет обо мне — Д. Б.), который, наверное, был в Музее 28 января на музевечере (или был еще в Доме творчества?), сообщить свои впечатления от музыки Яначека и молодого Прокофьева в «Игроке»? Может быть, вы были сами? В крайнем случае, Владимир Захарович? Ужасно, как хочу что-то слышать!

25 февраля 1963 г.

Только что получил из Ялты известие, что улица Анны Достоевской там к весне появится! Радость большая. Будто та, которую выбрал я, — еще подробно не знаю...

В «Вестнике Географического Общества» пойдет (к 100-летию) заметка об Андрее Андреевиче (с фото). Позавчера был на заседании Редкомиссии и получил заверения.

6 марта 1963 г.

Я и ранее говорил и сейчас настаиваю, что Вы — единственное лицо, способное выполнить работу, благодаря которой сотни тысяч, миллионы правильны и возможно глубже познают Федора Михайловича. Доказывать — нет необходимости. Поэтому исключне и чистосердечно умоляю Вас, не брать под сомнение свое участие в «Альбоме»...

Не скрою, что я очень обеспокоен тем, чтобы не пострадала работа от каких-либо причин, не потерял бы «Альбом» в своей цельности и авторитетности. Я уже «физически» ощущаю, вижу его. Он стал немного моим «пунктиком», с которым связано сейчас мое существование.

18 июня 1963 г.

Очень рад был получить Ваше письмо от 14 июня, так как мне все казалось, что мои беспорядочные и пока недостаточные действия остаются одинокими. Следствием этого: «...в камеру

спорания поступала белная горючая смесь, и двигатель работал с недостаточной мощностью». (Правда, и отвлекали меня обстоятельства — до чрезвычайности — весь этот месяц!)

Что делал я? Чтобы выкнуться и втянуться, шел по линии наименьшего сопротивления — выхвачивал из разных мест совершенно разнотемные, мелкими кусками, факты. В голове рисуется все ясней и глубже. Готового и придилично «принятого» очень мало, особенно если разуметь «цельного». Повторяю — все фрагменты, фрагменты, а говоря по-простому — куски и кусочки. Причем, еще не знаю, прав ли, удачно ли? Не скрою, что попутно все время влезаю в тематику, явно не мне поручаемую. Если что подворачивается под руку, и легко, то не уклоняюсь — может, это поможет, напомнил, подскажет.

Можно ли мне в «Альбом» предложить несколько моих графических набросков (рисунки — это спорно, а вот схемы или планы) с натурой или как вытяжки из свидетельств и публикаций? Присыпает рижская Драма, привезут «Идиота» — пойду...

4 июля 1963 г.

Оба Ваших письма получила и, конечно, совестно, что не писал ранее. Все, что ни делаю — все больше, чем требуется, и потому сокращаю, сокращаю, и вот это-то есть самое мучительное! Часто, чтобы было яснее, рисую эскиз листа и размещаю на немrepidukции — таким образом выясняется их размер. Тексты надо будет набирать уменьченным шрифтом. Например, очень удачно выглядят листы до Федора Михайловича, т. е. «родословные».

Рядом эскиз двух страниц для «Рода отца писателя», такое же решение для «Рода матери писателя». Вы, может, тут же скажете, что это чересчур, лишки. Однако, заметьте, что почти ни один «Альбом» не дает происхождения так, чтобы была видна вековая даль. А для молодежи это не только интересно — заодно даст понятие об *архивах, генеалогии, геральдике*, что очень полезно. Эти листы готовил с очень большой щадительностью. Они мне очень нравятся, ни в одном «Альбоме» такого нет, а учащихся старших классов и студентов *учит беречь седую старину*. И все — приводят к Федору Михайловичу — отлично!

По Вашему пожеланию тщательно отделяю «Инженерный Замок», чтобы первым же пакетом отослать к Вам от «Рода» до «Замка» включительно. Еще раз хочу сказать о важности графи-

ческого материала, например, об изображении в плане того зала («Круглой камеры»), в котором, у окна на Фонтанку, сиживал Федор Михайлович. Рядом безобразно изображают свою зарисовку фасада «с окном» (окно выделено), внизу кадра — часть этажа в плане с «круглой камерой» (опять же окно выделено). На современном плане Семёновского плаца (только часть военных домов осталась, памятник Грибоедову, ТЮЗ, сквер-сад с дорожками и клумбами) — обозначено место, на котором скорее всего стоял эшафот (речь идет о месте ожидаемой Ф. М. Достоевским казни.—Д. Б.). Это потому, что эскиз Ахшарумова со всеми его подробностями не ориентирован на местность. Я понимаю, что каждый из рисунков надо смотреть в отдельности (пойдет — не пойдет). Но ни один из них на профессиональность не претендует. Это просто то, что до сих пор не было известно, следовательно, полезно.

Ночь 29—30 октября 1964 г.

Убедясь, что по всем отделам «Альбома» работа в движении, я все же предложил заняться чем-то трудным и самостоятельным. Таким посчитал отдел «Достоевский на Западе». Мною было написано и разослано до семидесяти писем на французском, английском, немецком, итальянском и даже шведском языках! Ответный результат немалый — сейчас для иллюстрирования отдела «Достоевский на Западе» я получил и привел в должный порядок (отпечатки, негативы) до 180 оригиналов и копий самых различных изображений и сведений. Некто Дональд Фангер... проявил очень много хорошей активности, то есть через него получено много отличного материала. Многократно был свидетелем того, что всех калибров филологии и почитатели не в состоянии добыть себе «Письма» Достоевского. Кроме того, изданные на протяжении 35 лет, они нуждаются в корректировке и упорядочении. По-Вашему, можно ли настаивать на периздании «Писем», перед кем, каким способом? Думаю, вопрос этот важный и неотложный. Сейчас «Письма» — все экземпляры — читаны-зачитаны и библиографическая редкость.

Еще: незаметно подкрадывается столетие «Преступления и наказания», надо уже что-то предпринимать (в самом широком плане). Ленинградские А. Прокофьев и В. Панова по этой части просяли меня зайти в начале зимы (что-то вроде оргзаcедания?).

Вера Степановна, пропусти набросать Ваш предположительный («Круглой камеры») план. Приближается и столетие свадьбы Федора Михайловича и Анны Григорьевны — тоже не вовремя в план.

Я выбрал для себя совершенно самостоятельную работу — раздobyивание материала для репродукции в отделе «Достоевский на Западе». Сейчас у меня имеется ценное собрание, которым не располагает ни один музей, ни одна библиотека. Все это для нас ново и свежо. На это я затратил время с середины лета текущего года (следовательно, полностью я был занят из колеи и не был в состоянии работать ровно четверть года) и до сего дня, когда призывают последние материалы (ждут еще из Швеции, Финляндии), и большие силы, так как не мастак в иностранной переписке (на языках), правда, мне довольно изрядно помогали знающие языки.

Цель настоящего письма — сообщить Вам, что на финишной прямой мне бы очень хотелось *возможно продуктивнее содействовать Вашему труду, работе коллектива авторов*, так как, несомненно, «гвоздей вколотить» еще осталось немало. Кроме того, уверен, что у авторов с издательством надо будет еще немало вопросов разрешить. Очень жалею, что так долго молчал; одно утешение, что не терял зря времени и хотя действовал совершенно отдельно и самостоятельно, но жалею, что удалось хорошо.

18 мая 1965 г.

К сожалению, должен сказать откровенно, вопрос об альбоме «Ф. М. Достоевский в документах, портретах и иллюстрациях» для меня сейчас — и, возможно, на永远 — отошел в сторону. Сейчас — главное — мемориальный Музей Федора Михайловича в доме по Кузнецчному пер., 5. Теперь необходимо подключиться старшим, в связи с чем обращаюсь к Вам, к Л. Леонову, к В. Лидину и к Воронкову из управления Союза писателей СССР...

Это единственная в Ленинграде квартира Ф. М. Достоевского, в которой он жил с семьей, в которой работал над известным всему миру произведением и в которой ему суждено было умереть.

Почему вопрос стоит — сейчас или никогда? Потому <что> необходимо отспорить (к соседней квартире отходит одна «чужая» и ненужная комната) кв. 2, так как она вся почти на том

месте, где была квартира писателя (площадь *всего* будущего музея всего на 23 кв. м. больше, чем *вся* площадь квартир писателя, при всей ее дурацкой тогдашней планировке), она очень удобна под музей и при создании такового почти не требует никаких, меняющих ее, перестроек...

Музей есть на что опереться — общественность, сам город, его камни — все для музея; и, наконец, именно в Ленинграде ищут (свои и гости) мемории к Достоевскому. Посещаемость в Ленинграде будет в несколько, если не во много раз больше московской. Музей Москвы надо вернуть к «рамкам», в которых Вы вели когда-то повествование о начинавшем здесь жить человеке! Я что-то еще не дописал, но если надо, то дополню завтра! Да! Весь период в 1965—1969 гг. берусь возглавить, чтоб все было в одних руках, разумеется, как пенсионер! Затем начнут работу другие — штатные и общественность.

Ваше заступничество будет особенно ценным, так как Вы создательница Московского Музея Ф. М. Достоевского.

2—3 марта 1966 г.

Вы спрашиваете, чем я занят? Не знаю, но дней почти не хватает, нет передышки никакой, *для себя* нет никакого часа! а) контакт с Достоево (весьма живой и целеустремленный) — будут плоды; б) контакт с Семипалатинском (уже два письма, одна посыпка из своих «фондов», уговор с музеем Пушкинского Дома) — вместе будем работать перечень для заказа и методические указания на всю экспозицию — делим на три очереди, чтоб самим не надорваться;

в) только что закончил отзывы на книги Д. Фантера и Дж. Гибнано (у первого — трудный, типично *американский* язык) — надо было насквозь отшлифовать и не один вариант « отзыва » написать для доклада в Пушкинском Доме, перед ученым аудиторией;

г) пишу, пока *реферат*, о жизненных условиях Достоевского в период 1864—1867 гг., уже начерно у писателей проводил беседу к 100-летию «Преступления и наказания», стараюсь облечь в форму статьи;

д), но *самое главное* — будущий Музей. Все сочувствуют, ставят подписи, поддерживают, но *всю-то* работу (осмотры, заготовка эскизов, текстов, предварительное посещение «начальства») —

всю должен сделать я — один! Ведь *работа* вся на мне, от остальных — согласие;

е) «завербовался» я в консультанты по сценарию, по съемкам, по монтажу небольшого научфильма «Петербург Достоевского»; ж) большая внутренняя и внешняя переписка,— часть чего приходится на иностранных языках! Отсылки за рубеж книг, которые надо еще раздобыть или выменять,— выполняю не все, но затрачивать-то время требуется;

з) на свои две работы («Короткие военные рассказы» и еще одна объемная рукопись, которую уже просмотривали в Союзе писателей) — никакого времени, не то что сил!

А Вы *недоверчиво* спрашиваете, чем же я занят? Главная работа идет ночью, но днем спать некогда, так как учреждения работают-то днем! Иногда бросает из стороны в сторону от усталости и недосыпа!

Сейчас написал о всем, что было и есть. Не знаю, что будет завтра, все время только добавляется, а не убывает. Я не жалуюсь, мне от этого только хорошо!

20 апреля 1966 г.

20 апреля 1966 г.

Начинаю готовить документацию для переноса праха Анны Григорьевны из Ялты к могиле Федора Михайловича — к 100-летию брака (15 февраля/28 февраля 1967 г.) — согласно ее завещанию. Всеми точнейшими документами расплачиваю.

30/X — 67, утро

Вас и весь Ваш клан поздравляю с Полувеком Советского строя! Чтоб далее — нам доживаго, занимаясь спокойно тем, что каждому любо; детям — более общо, чтоб их следующее 50-летие было более спокойно, чем наше, но не менее победно!

Пять десятилетий назад. Мы недавно расстались с Анной Григорьевной, мимоходом повидались с Федором Федоровичем и осели перезимовать в маленьком Скадовске — потому что: «В Петрограде все еще стреляют и нет ни хлеба, ни дров!» Южная абсолютно темная ночь плотно накрыла настороженно притихший городок. Мы — мать, брат и я стоим на грунтовой безымянной площади, недалеко от дома, в котором живем. За спиной взрываются волны, а свежий ветер взвыает в счастливых сухопутной мачты, на которой по праздникам подымали трехцветный национальный флаг. Теперь уже давно никакого флага никто не

ставит. Мы стоим и всматриваемся в чернеющий небосвод, во все направления, кроме южного — там море. По разному бывает в разные ночи. На небосводе слабо играют отдаленные красноватые всполохи. Мы решаем: кто-то горит. «Может — Мордвиновы?» А в другой раз: «Кажется, жгут уже Овсянниковы!» Встревоженные, непонимающие, что творится на просторах Родины, уходят эти трое домой, чтобы плотно запереть ставнями окна, еще присидеть у стола, на котором горит керосиновая, но все же «буржуазная» лампа-молния. Брат читает вслух «Серебряные коньки», в друг подымает голову и спрашивает: «А в Голландии тоже могут жечь именья?» Фу! К чему это я разволноминался...

11/XI—67 г.

Я что-то очень сдал — ни отъха, ни покоя, к тому же явно что-то с организмом. Но сейчас опять некогда, т. к. Комиссия намерена провести (свое первое публичное!) специальное заседание, посвященное 140-летию Ф. М. Достоевского. Конечно, вся орчачсть и немалое сообщение (надеюсь, будет интересным) — на мне. Не будет ли в Ленинграде 21—23 ноября? Было бы любопытно Вам и несомненно интересно! Дата еще точно неизвестна — поведет заседание д. А. Гранин.

20/XI—67 г.

Наше первое публичное рабочее заседание «достоевской Комиссии» отнесли на декабрь с тем, чтобы дать съехаться в Ленинград всем членам комиссии. Кое-что пытаюсь работать письменно, может, выйдет интересно. Разрабатываю статью к 110-летию посещения Петербурга Дюма-отцом — об этом никого никто не писал...

9/IV—68 г. днем

Пишу несколько слов о письме на бегу. Победа! Вчера Совет Министров РСФСР уведомил меня, чтобы я незамедлительно приступил к перемещению праха Анны Григорьевны. На днях буду в Москве. Все в темпе. Обязательно буду видеть Вас и пропущу готовиться в первых числах июня сопровождать прах Анны Григорьевны в Ленинград. Ваше участие в церемонии обязательно и первоочередно. Только что был (специально) у своего онколога с тем, чтобы получить разрешение на отъезд и

тяжелую деятельность. Приказано быть настороже: что-то слева подключичное пошаливает. Наплевать: сейчас главное завершить мой долг!

12/VI—68 г.

9 июня с. г. все завершилось. Теплота и сердечность со всех сторон (Ленинград, Москва, Старая Русса, Новгород, даже — Токио, Будапешт). Весь день 9-го и половина дня 10-го (я убирал свежую могилу, размещал венки, корзины и бесчисленные букеты цветов) шел непрерывный поток своих и присезжих. Были земные поклоны, были скучные мужские слезы...

23/VI—68 г.

У главного врача-онколога проверился обстоятельно — раньше месяца являться не требуется — держусь, как дьявол! Я ведь — упрямый, за железо хватаюсь зубами... 22-го начало войны. Вчера и сегодня, как ветеран битвы на Невском плацдарме, выступал в нескольких пионерских лагерях, особенно там, где вблизи легли кости мои 50 мальчиков. Псылаю и Вам свое фото от второй половины августа 1941 г. (я один среди всех моих разведчиков имел право иметь удостоверение о том, что я «моторолист старший», т. е. командир маленькой команды мотоциклетной разведки и связи). Это фото никогда нигде не публиковалось, никому не давалось. Командовал Северо-Западным направлением в то время — Клим. Ефр. Ворошилов. По его приказу я стал мотоциклистом разведчиком и объединил возле себя 50 лихих, дерзких и находчивых мальчишек, большинству из которых не было даже восемнадцати лет (набор из 4-го батальона 10-го западного полка). Уже 27 лет ишу — ни одного из своих «сынов» не могу найти — видимо, на «Невской Дубровке» погибли все, как и почти весь наш Отдельный отряд Ленинградского фронта (после шести атак из 1280 «активных штыков» нас осталось «в кучке» — 21 человек, из них только двое «неподаренных»: партгор отряда — фамилии не помню — и я). Впервые в жизни кусал землю зубами и навзрыд рыдал, безоговорочно, всаживая пулю за пулей в грунт из своего нагана! Можете ли представить меня таким? (Слезы и сейчас на глазах)...

Сейчас сдаают все мои старые друзья. А мне надо держаться во что бы то ни стало до ноября 1981 года. Дела с Музейм идут смутно. В конце июня (на днях) — возможно — Старая Русса. А в конце июля — возможно — Сибирь (Семипалатинск, Кузнецк, Кемерово)...

Сейчас сдаают все мои старые друзья. А мне надо держаться во что бы то ни стало до ноября 1981 года. Дела с Музейм идут смутно. В конце июня (на днях) — возможно — Старая Русса. А в конце июля — возможно — Сибирь (Семипалатинск, Кузнецк, Кемерово)...

Омск)... Через месяц примирно соберусь с силами, возьму такси, поеду с обеими старушками — воспитанницами Анны Григорьевны к ее могиле (обеих отыскал в Ленинграде) и там посидим вместе — Ольгу Ивановну Васильеву я прекрасно помню рядом с Анной Григорьевной. Узнаю — не помни точно — она ли водила дважды брата и меня к Ленину (во дворец Клиссинской)? Вот отчего я так восхищенно оценил лицо Владимира Ильича при открытии (21 апреля с. г.) памятника на площади Ленина в Гурзуфе (работа местного скульптора). Именно лицо Ленина — вдохновенного — таким помню его!.. Когда в январе 1924 г. кричали все заводские и паровозные гудки России, я — маленький и щуплый стоял одиноко возле начального столпа (сейчас его снесли!) Алуштинского шоссе и в наступавших сумерках, отделившись от прохода мажар и скрипа колес арб, горько плакал — я четко помнил вдохновенное лицо Ленина, полное силы, только что прибывшего из-за границы. Такое лицо я увидел в Гурзуфе летом этого года.

Отсылаю в «Вопросы литературы» свою статью об Анне Григорьевне. Если можете — пионтересуйтесь, и, может, дайте ей «вступительное слово». Нагрузка непосильна. Я уже не тот и кроме того с апреля что-то во мне сломилось. Не могу встать на ноги. Почти непрерывно хочу покоя — это страшно! Я его никогда не знал.

27/VII — 68 г.
Об отдыхе, даже куценьком — нет речи. Так, сейчас приглашен в Семипалатинск (250 лет...). Там — до 7 — 8 августа. На обратном пути на два дня — Омск. А затем обратный путь через Москву — 12 — 15 августа... Вернусь в Ленинград, запрягусь в Музей. И надо завершать с надписью на памятнике Анне Григорьевне (пойду через Ленгорисполком).

1/IX — 68 г. днем*

Дорогая Вера Степановна!

В доказательство, что жив. Спасибо за беспокойство. Докладываю: кровотечение остановлено (в три дня от меня ничего не осталось — одни кости и смутное сознание)... Видимо, вышел из строя надолго. Спасибо Вам! Надеюсь не подвести, но трудно очень. Всегда Ваш А. Достоевский.

* Последнее письмо написано за 3 недели до кончины.

Алексей Корнеев

Оправданный Александр Орлов

Памяти С. М. Бонди

В самом конце тринацатого номера «Телескопа» за 1831 год — «журнала современного просвещения», издаваемого Николаем Ивановичем Надеждиным, профессором Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии, была напечатана статья «Горжество друзьбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов». Начиналась она словами:

«Посреди полемики, раздирающей белную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных».

Под занятиями «гражданскими» реакционных журналистов Н. И. Греч и Ф. В. Булгарина никому неведомый Феофилакт Коcичкин (так была подписана эта статья) подразумевал их негласное сотрудничество в Третьем отделении.

Давно уже известно, что под псевдонимом Феофилакта Коcичкина скрывался Александр Сергеевич Пушкин. Достаточно хорошо известны мы и о борьбе, которую вынужден былести поэт с Булгарином и Гречем, представлявшими торговое направление в журналистике того времени. Но кто же такой Александр Анфимович Орлов, полным именем которого называл свою статью Пушкин? Эта фамилия мало что скажет сейчас не только широкому читателю, но даже историку литературы. Примечания же в современных изданиях сочинений Пушкина предельно лаконичны: «Орлов А. А. (1791—1840) — любочный писатель».

Однако в тридцатые годы прошлого столетия эта фамилия была известна достаточно хорошо. В повести «Невский проспект» Н. В. Гоголь, характеризуя людей, составляющих в Петербурге, подобно герою его произведения поручику Пирогову,